

Дарья Донцова

БОЛЬШОЙ КУШ НИЩЕЙ ГЕРЦОГИНИ

Следствие ведет дилетант **Евлампия Романова**

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант

Дарья Донцова

Большой куш нищей герцогини

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Донцова Д. А.

Большой куш нищей герцогини / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2020 — (Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант)

ISBN 978-5-04-109157-6

У Евлампии Романовой есть поверье: если день начинается с неприятностей, то до вечера их будет не менее трех. Но сегодня наперекосяк пошло буквально все: Киса опаздывала в школу, мопсы набезобразничали в прихожей, на кухне сломались жалюзи, а новая кофемашина сошла с ума! Вишенкой на торте стало появление Анастасии Петровой, соседки по дому, которая обрушила на Романову лавину странной информации. У Петровой умер супруг, а спустя несколько лет выяснилось, что у него остался внебрачный сын. Нет-нет, Алексей был верен своей женушке. Так откуда взялся парень, похожий на него как две капли воды? Но и это еще не все! Когда муж узнал о своей смертельной болезни, он решил открыть тайну этому самому внебрачному сыну и рассказать, где спрятал несметные сокровища. Но не успел: умер. Не в силах избавиться от назойливой соседки, Лампа привезла ее в офис агентства Вульфа. Она и не подозревала, в какую невероятную историю ввязывается и как подставляет Макса...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-04-109157-6

© Донцова Д. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дарья Аркадьевна Донцова

Большой куш нищей герцогини

© Донцова Д.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

Из двух зол выбрать ничего хорошего не получится.

Я молча смотрела на жалюзи, лежавшие на подоконнике. Утро у тебя, Лампа, сегодня началось бурно. У вас бывают дни, когда все идет наперекосяк? «Крокодил не ловится, не растет кокос» – такие вроде слова есть в песне из любимого россиянами советского кинофильма «Бриллиантовая рука». А ведь когда я только открыла глаза и потянулась в уютной кровати, мне казалось, что сегодня все непременно пойдет как по маслу. Ай как здорово, я проснулась до звонка будильника с ощущением, что провела в объятиях Морфея часов эдак девять. Пребывая в прекрасном настроении, я включила свет и удивилась: правая сторона кровати была пуста. Куда подевался Макс? Обычно муж встает позже меня. Сколько у нас натикало? Я взглянула на часы на тумбочке и подпрыгнула. Восемь пятьдесят!

Я начала летать по квартире на реактивной метле. Киса бегом отправилась в школу, позавтракать она не успела, уже у лифта я сунула ей в руку бутерброд. Мопсика Фиры напрудила в холле лужу, ругать ее за это не стоило, собака привыкла гулять во дворе в семь. Муся, сестра Фиры, вроде ничего такого не сделала, но, торопясь за тряпкой, я поскользнулась в коридорчике, который ведет в кладовку, и поняла, что Муся тоже нарушила свод законов домашней псины, совершила большое преступление. В прямом смысле слова «большое».

В пол-одиннадцатого я навела в доме порядок. Кровать была убрана, пол помыт, мопсик погулял и поел. И я выяснила, почему не прозвенел будильник: я просто забыла его завести. Теперь можно спокойно попить кофе. Давно знаю, если день начинается с неприятностей, то их до вечера будет не менее трех. Просто отлично, что сегодня все они пришли толпой утром: будильник, собачьи безобразия и... Я вздохнула. Это две напасти. Жди, Лампа, третьего пинка, надеюсь, он не задержится и дальше день пройдет спокойно. Нет ничего хуже ожидания пако-сти.

Я вошла в кухню, чихнула, и... на подоконник упали жалюзи. Вместо того чтобы схватиться за голову и завопить: «Ну, за что мне все это?», я обрадовалась. Ура! Три неприятности! Все! Выдыхаю. Сегодня обошлось малым: опоздание Кисы на уроки, собачьи испражнения – это мелочь, а жалюзи давно пора менять, они старые, плохо открывались-закрывались, пообтрепались. Все, что ни делается, все к лучшему. Кисуля не попала на контрольную по математике? Отлично! Девочка хорошо учится, но ведь любой может двойку получить. Здорово, что я забыла включить будильник. Муся и Фира оставили «визитные карточки»? Зато долго гулять с ними не пришлось. На улице февраль, дует пронизывающий ветер, а Муся обычно выбирает место для, как говорит Киса, «покака» так долго, будто там всю жизнь провести собралась. Что лучше: бегать, трясясь от холода, полчаса по площадке для выгула или за пять минут вымыть коридор? Повезло тебе, Лампа. А упавшая штора вообще праздник, теперь-то я ее точно поменяю. Хорошо, что жалюзи свалились утром, потому что я обычно ставлю на подоконник открытую кастрюлю с готовым супом, остужаю его перед отправкой в холодильник. Бульон с приправой из жалюзи вряд ли оценили бы домочадцы. Мне сегодня феерически повезло со всех сторон.

Я нажала на кнопку, кофемашина заурчала, я улыбнулась. Жизнь налаживается, можно расслабиться до завтра. Сейчас выпью капучино, займусь домашними делами...

Агрегат всхлипнул, чихнул, из двух носиков вылилась в кружку прозрачная вода, на панели появилась надпись: «Ошибка 185». Я растерялась. Аппарат новый, мы купили его всего несколько месяцев назад взамен старого, который безотказно варил кофе много лет, а потом умер.

Секунду я смотрела на надпись и сообразила, что знаю самый правильный способ «вылечить» любой прибор: его надо выключить, а потом снова включить. Сказано – сделано. Теперь в окошке высветилось новое сообщение: «Ошибка 289».

Я опешила. Число стало больше. Почему? Надо почитать инструкцию. Интересно, где она? Кофеварка неожиданно стала трястись, издала воющий звук и обновила информацию: «Ошибка 500. Во избежание пожара, взрыва, потопа немедленно отключите прибор от сети и обратитесь в сервисный центр». Я выдернула вилку из розетки и выдохнула. День явно шел не по плану. Четвертая неприятность. Это странно. Может, какая-то из первых трех не считается? Я так радовалась короткой прогулке во дворе, что «покак» и «попис» в доме не засчитались как неприятное событие?

В прихожей раздался звонок. Я вздрогнула. Надеюсь, за порогом не пятая напасть. Может, не открывать? Прикинуться, что дома никого нет? Гостей я не жду, да и время для них неподходящее, по утрам к нам ходит только Винни Пух. Звонок стих. Очередная неудача поняла: ее тут не ждут, и удалилась. Я обрадовалась, раз не удалось побаловаться кофейком, значит, заварю себе «Блаженство из Цейлона». Рука потянулась к чайнику и замерла на полпути. Стоит ли включать прибор? Вдруг он тоже сломается? Но не попробуешь, не узнаешь. Я нажала на клавишу и выдохнула. Работает. И тут раздалась трель телефона. Я схватила трубку и, не отрывая взгляда от носика чайника, из которого пошел пар, сказала:

– Алло!

– Лампа, Гриша Стеклов на проводе, – закричали в ухо, – я отправил Максу на почту приглашение. У моего телеканала «ПР» юбилей, десять лет со дня основания. Вам вручат премию.

– За что? – удивилась я.

– Тебе за красоту. Макс за ум, – усмехнулся Стеклов. – Дай честное слово, что придете.

– Даю, – пообещала я, – надеюсь, что к премии прилагается толстый конверт.

– Еще напомню, чтобы ты не забыла, – проорал Стеклов и отсоединился.

Я протянула руку к жестянке с заваркой. Гришу нельзя назвать лучшим другом Вульфа. Я с ним лично не знакома. Он не очень близкий приятель мужа, но вроде симпатичный, интеллигентный человек. В то же мгновение из холла снова донесся звонок. На сей раз незваный гость не собирался уходить, звон разносился по квартире без перерыва. Через несколько минут я не выдержала, подошла к домофону и спросила:

– Кто там?

– Я, – ответил женский голос, – впустите меня.

Мне опять вспомнился замечательный мультик про Винни Пуха, хотелось ответить словами Кролика: «„Я“ бывают разные». Усилием воли я подавила свой порыв.

– Не вижу почему-то вашего лица.

– Ой, неужели не узнала свою подружку?

– Не вижу вас, – повторила я.

– Так по голосу понятно, – заявила незваная гостья. – Это же я! Моя Лаурочка на днях вашей Фире ухо расцарапала.

– Анастасия Егоровна? – уточнила я, вспомнив, как зовут хозяйку вздорной болонки.

– Ну, конечно, откройте, дорогая.

Делать нечего, я распахнула дверь и поняла, почему на экране домофона вместо человека маячило нечто серое. Соседка держала в руках большую коробку таким образом, что та закрывала ее лицо.

– Помогите, пожалуйста, – попросила Петрова.

Я взяла у нее ношу.

– Лучше пройти на кухню, там уютно, – засуетилась Анастасия и пошла по коридору. – Ох, мне так нужна ваша помощь. Кофейком угостите? Всю ночь не спала, теперь глаза слипаются.

– Машина сломалась, – пояснила я, ставя коробку на табуретку. – Хотите чаю?

– Что угодно, лишь бы проснуться, – сказала Петрова и села.

Я опять взяла жестянку с заваркой.

– Что случилось?

– Это долгий рассказ, – ответила Анастасия, – если его сократить, то вы ничего не поймете.

Я потянулась за пустыми бумажными пакетиками. Всегда кладу в них чай, потом выкидываю использованные.

– Боюсь отнять у вас много времени, – говорила тем временем Анастасия.

Вам никогда не встречались люди, которые, явившись без приглашения и собираясь вылить вам на голову кучу ненужной информации, начинают кокетничать: «Ох, ты, наверное, торопишься. Я появилась некстати. Ой, у тебя определенно нет и минутки, чтобы мне помочь. Ах, как неудобно отрывать тебя от важных дел из-за своих пустяков». Почему они так поступают? Да чтобы им вежливо ответили: «Нет, нет, я совершенно свободна, говори спокойно». И тогда гостя самозабвенно начинает вещать. Теперь у нее нет ни малейших угрызений совести, вы же сами зажгли для болтуны зеленый свет.

– Так не хочется вас грузить своими проблемами, – вела в это время свою партию соседка, – право, мне очень неудобно. Потратите на меня много времени. А оно у вас есть? А?

– Нет, – коротко ответила я, – на работу собираюсь.

– У вас нет времени? – изумилась Петрова, явно ожидавшая другого ответа.

– Нет, – повторила я, – у меня сегодня плотный график.

– Не найдете пару часов, чтобы помочь мне? – опешила Петрова.

– Смогу ответить, только если вы кратко изложите суть вопроса, – объяснила я.

– Но мы близкие подруги! – всхлипнула нахалка.

Я молча налила воды в чайник. Сейчас многие люди называют своими лучшими друзьями тех, кто пишет им в соцсетях комментарии. Но я не очень хорошо владею компьютером, у меня нет аккаунта. Я до сих пор думаю, что дружба – это яблоня, плоды которой созревают не сразу после посадки. Друг – это испытанный в разных боях человек, тот, кто тебя не предаст, не бросит ни при каких обстоятельствах, не потребует ничего взамен. Настоящий друг часто ближе сестры-брата, он член семьи. Мы с Анастасией Егоровной встречаемся порой на площадке, где гуляют наши собаки. Петрова словоохотлива, она рассказывает мне про свою дочь, сына, зятя, невестку, производит впечатление доброй женщины, которой не с кем дома поговорить. Вот ее болонка Лаура добрых чувств у меня не вызывает. Кудлатая псина вечно скалит зубы, пытается укусить наших мопсик. Вероятно, Петрова считает меня своей близкой подругой, но у меня другое мнение по этому поводу.

– Кратко изложить? – повторила гостья. – Ну... Если в двух словах... Хочу, чтобы ваш муж мне помог.

– Так вам нужен Макс, – обрадовалась я.

– Да, да, да, – закивала соседка.

– Сейчас дам вам адрес офиса, – пообещала я.

Анастасия взмолилась:

– Отвезите меня к своему супругу, пожалуйста! Мы же подруги. Очень прошу. Или мне лучше дождаться Максима здесь, в квартире?

Перспектива видеть целый день Петрову дома не пришлась мне по душе. Из двух зол: Анастасия у нас дома сидит или она рушит мозг Вульффу в агентстве – трудно выбрать то, что лучше. Но я все же решилась.

– Встретимся через полчаса на парковке.

– Спасибо, дорогая, – обрадовалась Петрова, – ты ангел.

Я отметила, что соседка перешла со мной на «ты», проводила ее до двери, вернулась в кухню и вылила так и не тронутый чай в раковину. Теперь надо избавиться от заварки. Я бросила пакетик в помойное ведро. Обычно я в него легко попадаю. Но сегодня мешочек почему-то угодил мимо контейнера прямо на макушку Фиры, лежавшей неподалеку. Мопсика взвизгнула, шарахнулась в сторону, толкнула стул, тот задел спинкой стол. Дзинь! Моя любимая чашка с изображениями собачек в розовых платьях превратилась в осколки.

Я замерла. Будильник, загаженный коридор, жалюзи, кофемашина, появление Петровой, необходимость везти ее в офис и разбитая чашка. А ведь день только начался! Надо перестать считать неприятности и смириться с тем, что сегодня события развиваются не так, как всегда.

Глава 2

По дороге Анастасия рассказывала, какой прекрасный человек был ее покойный муж. За час поездки Петрова молчала минуты две, пока пила воду. На парковку я въехала в полуобморочном состоянии и почти поверила в то, что существуют энергетические вампиры.

Запарковав свою «букашку», я вышла и удивилась. Соседнее со мной место принадлежит нашему заведующему отделом компьютерного поиска Захару Рамкину. У парня старая-престарая иномарка, она хрипит, кряхтит, но едет. Захар мечтал о новой машине, несколько раз я заставляла его за разглядыванием сайтов с джипами. Но денег у Рамкина нет, он выплачивает ипотеку за квартиру. Сейчас же вместо развалюхи-прабабушки немецкой автопромышленности стоит роскошный японский дорогой внедорожник. Именно о таком мечтал наш компьютерщик. Понятно, что джип не принадлежит Захару, кто-то из посетителей детективного агентства не обратил внимания на табличку «Место десять для сотрудника» и нагло припарковался на нем. Ох, наверное, Рамкин обзавидует при виде джипа своей мечты.

– Лампа, а вы как считаете? – врезался в ухо голос Петровой.

Я вздрогнула. Боже, Анастасия все говорит и говорит, но теперь ей нужна моя реакция.

– Ваше мнение? – продолжала соседка.

– На мой взгляд, вы правы, но надо учитывать положение дел, – отделалась я общей фразой и побежала к лифту.

Когда мы наконец очутились в просторной комнате, где принимаем клиентов, и увидели Костина, я живо сказала:

– Сейчас вернусь, – и унеслась в туалет.

Через пару минут в дверь дамской комнаты постучали, раздался голос Вовки:

– Эй, ты жива?

Я перестала умываться холодной водой и взяла бумажное полотенце.

– Лампудель, ты как? – не утихал Володя.

Пришлось открыть дверь.

– Нормально.

– А почему лицо зеленого цвета? – осведомился Костин.

– Затошнило от болтовни Петровой, – честно ответила я.

– У меня есть гомеопатический спрей от проблем с желудком. Дать тебе? – предложил приятель. – Встряхнись, соберись, и пошли к Анастасии Егоровне.

– Ни за что, – отрезала я, – и вообще, ей нужен Макс!

– Он уехал, – сообщил приятель.

– Сам с ней разбирайся, – буркнула я.

– Не получится, – ухмыльнулся Костин. – Раз Вульфа нет, дама готова беседовать с его заместителем, но только в присутствии его лучшей, единственной подруги.

Я издала стон.

– О боже! Я впервые встретила человека, который своей болтовней довел меня почти до обморока.

– А вот мне доводилось иметь дело с такой особой, – серьезно ответил Вова. – Одна дама бродила несколько часов по торговому центру, выбирая себе домашний халат. Муж ее малодушно сбежал, а я из вежливости остался. Представляешь, это милое создание трясло передо мной разными тряпками и как заевшая пластинка повторяло: «Какой лучше? Розовый в цветочек или голубой в клеточку?» Я, наивный, ответил первый раз: «Бери розовый, и уходим». «Голубой элегантнее», – возразила блондинка. Спорить я не стал: «Конечно, покупай его». И у нас замечательный разговор состоялся.

– Розовый в цветочек.

- Бери его!
- А голубой в клеточку.
- Значит, голубой.
- А у розового кармашки есть!
- Покупай этот.
- А у голубого пуговички красивые.

И так два часа. С кем это я, бедный, по магазину бродил? Не припоминаешь?

- А вот и неправда, я выбрала тогда халат за десять минут, – парировала я.
- Да ну? – прищурился Вовка. – Мне минуты показались годами. Двигаем в переговорную. Кто клиента привел, тот его и танцует.

Делать было нечего, я вышла в коридор и увидела Макса, который на ходу натягивал куртку. Я спросила:

- Ты куда?
- У нас форс-мажор, – объяснил муж, – улетаю, вернусь через пару дней.
- Стеклов звонил, он решил нам премию вручить, – сообщила я.

Вульф улыбнулся.

- Знаю. В почте есть его приглашение. Простил меня, наконец.
- За что? – удивилась я. – Вроде вы в хороших отношениях.
- Дело давнее, я над ним подшутил, перегнул палку, – объяснил муж, – разыграл Гришу.

Мне смешно было, а ему не очень. Пару лет Стеклов губу дул, отношения разорвал, потом стал со мной разговаривать. И вот, наконец, премия! Это конец холодной войны.

- Значит, придется идти ее получать, – приуныла я.

– Терпеть не могу тусовки, – вздохнул Вульф, – но эту пропустить не могу. Если не придем, Стеклов снова обидится насмерть, а мне не хочется окончательно с ним отношения портить. Думаю, ты будешь рада повеселиться.

- Не передать словами, как я счастлива. – Вздыхая, я вернулась в кабинет и села за стол.
- Излагаю свою проблему, – обрадовалась Анастасия, – коротечко!

Чтобы не доводить вас до потери пульса, не стану приводить полностью историю соседки, передам только суть.

Анастасия вышла замуж, когда советская власть казалась незыблемой. Брак она заключила по большой любви, в которой не было даже капли расчета. Да и о какой корысти со стороны юной девушки могла идти речь? Настенька, дочь генерала и директора школы, выросла в полном достатке: пятикомнатная квартира в паре минут ходьбы от дома, где работал папа, дача на Николиной Горе, машина. Училась девочка в школе, где царствовала мать, на занятия Настю возил на «Волге» шофер. Отец часто летал в командировки по всему соцлагерю: ГДР, Польша, Венгрия, Чехословакия. Он привозил любимой дочке красивые вещи. А порой его забрасывало и в капиталистические страны. Вся школа изнывала от зависти, глядя на туфли, куртки, шубки Настеньки. Многие мечтали дружить с ней, одноклассники часто приходили к девочке домой, мать привечала всех, кормила, поила. В распоряжении Насти была тридцатиметровая спальня, до отказа забитая игрушками. И какими! Никто из девочек в те годы в СССР не слышал о Барби, а у Федоровой кукла была в нескольких вариантах, да еще с домом, автомобилем, мужем и шкафами с одеждой. В недоступный для многих выпускников вуз МГИМО Настенька попала легко. Она, как золотая медалистка, сдавала один экзамен. Правда злые языки шептали, что директриса приказала учителям ставить своей дочурке одни пятерки, но на то они и злые языки, чтобы болтать гадости. Настя всегда прекрасно училась.

Если уж говорить о расчете, то скорей в корысти можно было заподозрить ее жениха Алексея. У невесты было все: деньги, жилье, перспектива получить прекрасную работу, любовь окружающих, заботливые мать и отец. А жених по всем этим показателям проигрывал: жил он в общежитии в комнате с тремя вьетнамцами, те постоянно жарили селедку. Остальным

обитателям общаги «аромат», который издавало кушанье, никак не нравился. Но Леша радовался, добрые азиаты не жадничали, всегда угощали нищего соседа. Кошелек у Петрова был вечно пуст, он постоянно носил две рубашки, свитер да единственные брюки. Летом и зимой парень бегал в «семисезонных» ботинках. Отца своего он никогда не видел, имени его сильно пьющая мать попросту не знала. Что было у Алексея? Светлая голова и отчаянное желание выбраться из нищеты. Он еще в школе понял, что билетом в прекрасное завтра может стать диплом престижного вуза. Алеша выбрал для себя самый недоступный для простого смертного институт, пропуском в который для выпускника, не имеющего никаких связей, могла стать золотая медаль вкупе с прекрасными знаниями.

Одноклассники потешались над Петровым, обзывали его зубрилой, подхалимом. Но Алеша плевать хотел на их мнение о себе. Он занимался, не разгибая спины, был бесплатным домработником у директрисы школы: убирал ее квартиру, бегал за покупками, копал огород на ее даче. Петров знал, что на школу выделяют только две золотые медали. Одну получит дочь главы города, а вторая должна непременно достаться ему. И он добился своего. На вступительных экзаменах в МГИМО его попытались завалить, но, как ни старались экзаменаторы, паренек знал ответ на любой вопрос. В конце концов педагоги не выдержали:

– Аксиос ¹! Отлично.

Родители Насти встретили будущего зятя приветливо. Они ни в чем не отказывали дочери. Анастасии показалось, что отец и мать с пониманием отнеслись к ее желанию выйти замуж за голого и босого провинциала. В ночь перед свадьбой Настя пошла в туалет и услышала тихий плач мамы в спальне.

– Оля, перестань, – попросил отец, – у нас не похороны!

– Егор, я не верю в любовь со стороны жениха, – всхлипывала жена. – Квартира, дача, деньги – вот что у него на первом месте. Поселится у нас на всем готовом, сделает Настеньке ребенка, начнет на сторону бегать.

– Пристрелю его тогда, – пообещал отец, – и если даже он налево не двинет, но я увижу, что зять захребетник, то выгоню его. А вдруг он приличный человек? Вспомни, ты замуж за генерала выходила?

– За курсанта, – всхлинула мама.

– Вот и утри сопли, – скомандовал супруг, – ать-два, и с песней в ванную.

После свадьбы молодые улетели на черноморский курорт, Егор Николаевич подарил им путевку в дом отдыха. К возвращению новобрачных мать, Ольга Васильевна, превратила детскую Насти в супружескую спальню. Но новоиспеченные супруги хором заявили:

– Простите, мы сняли комнату. Хотим жить самостоятельно.

К огромному удивлению родителей Насти, Алеша стал работать везде, где только можно. Даже когда на свет появился маленький Костя, молодые родители не попросили помощи. Ольгу Васильевну, которая хотела одеть первого внука как куклу, во все импортное, Настя остановила:

– Мы не захребетники. Спасибо. Я возьму один костюмчик.

После окончания вуза Лешу не распределили за границу. Когда генерал решил посодействовать зятю в отправке за кордон, тот вежливо возразил:

– Благодарю, Егор Николаевич, но вас никто не поддерживал. Сами всего добились и поэтому себя уважаете. Вы для меня пример, я тоже хочу себя уважать.

А потом грянула перестройка.

¹ Аксиос – в переводе с греческого – достоин.

Глава 3

Генерал умер в середине девяностых, но успел поездить на шикарном «Мерседесе», который ему купил зять. У Алексея оказался талант делать деньги из воздуха.

– Уж прости меня, сынок, – сказал ему один раз уже никому не нужный, потерявший все свое влияние генерал, – я думал, что ты на Настеньке по расчету женился.

– Я это знал, – улыбнулся зять, – и благодарен вам за то, что не мешали нам с женой жить так, как мы считали нужным. Человек слаб. Начни вы настаивать, зазывать нас с младенцем из коммуналки в свою роскошную квартиру, я мог бы и соблазниться. Но вы уважали наше решение, а жизнь заставила меня вертеться. Когда власть сменилась, этот опыт очень мне помог.

Не один год Настя жила счастливо за спиной любящего и любимого мужа. И вдруг неожиданно на фоне полного здоровья Алексей умер. Муж приехал домой с работы, пожаловался на усталость, лег спать и не проснулся. У него просто остановилось сердце.

Похороны, поминки, девять дней, сорок... время прошло для Насти как в тумане. Поминальные трапезы организовывали дети: Костя, Лиза, невестка Валентина и зять Евгений.

Не успела земля на могиле осесть, откуда ни возьмись появились люди, которым Алексей остался должен массу денег. Никто из его родни ничего не понимал в финансовых делах. Костя владеет салоном красоты, он стилист, попросту говоря, парикмахер. Его жена Валентина – поэтесса. Дочь Лиза все никак не найдет свое место в жизни, то одно попробует, то другое, и ничего у нее не получается. Зять Евгений компьютерщик. Чем он занимается, Анастасия Егоровна не знает, но денег у него никогда нет. Да и у остальных членов семьи карманы не набиты золотом.

Поняв, что среди молодого поколения нет бойцов и никто из детей не способен разобраться в том, что творится с финансами покойного, Анастасия обратилась к семейному юристу. Василий Петрович без особой радости ответил:

– Хоть я больше и не на зарплате у вас, но попробую по дружбе помочь.

И «помог» так, что Петрова лишилась всего, чем владел ее покойный супруг. У семьи остались лишь дом да квартира в Москве.

Когда неоплаченные счета за коммунальные услуги превратились в рулоны, по объему сравнимые с упаковкой туалетной бумаги, Анастасия приняла историческое решение, она объявила родным:

– Переезжаем в столицу, особняк сдаем.

Можно ли считать тесной многокомнатную квартиру размером в несколько сотен квадратных метров? Но семья ранее жила в трехэтажном доме, который высился на гектаре земли. Столичные апартаменты показались всем, кроме Насти, собачьей конурой.

– У нас в комнате всего одно окно, – ныла Лиза.

– Нет веранды, – вторила ей Валентина, которая принципиально отзывалась только на имя Тина, – я не могу творить в таких условиях, муза не живет в заточении.

Анастасия Егоровна пыталась угодить всем. Она предоставила Тине и Косте две комнаты, одну из них превратили в кабинет для поэтессы.

Узнав о решении матери, Лиза обиделась и стала демонстративно жаловаться на узкую кровать.

– Мы купим самую широкую, двухметровую, – пообещала ей Настя.

– Разве она влезет в нашу крохотную каморку? – всхлипнула Елизавета.

– Не фигасе! У вас пятьдесят метров площади, – возмутился Костя.

– А у тебя жена, которая, ничего не делая, имеет кабинет, – парировала Лиза.

Слово за слово, сахарницей по столу, разразился скандал, по сравнению с которым битва на реке Калке² просто возня в песочнице. В результате дети получили по две комнаты на семью. В апартаментах еще существовали общая столовая с кухней. Анастасии Егоровне досталась пятнадцатиметровая гардеробная, хорошо что в ней было крошечное окно.

О собственной спальне мечтает не одна женщина, размер бывшей гардеробной был вполне достаточен для опочивальни, но Настенька много лет провела в других условиях. Однако самым горьким оказалось не отселение на задворки жилья. Хуже всего было понимание: дети уважали и любили мать, пока у нее был толстый кошелек, сейчас, когда денег не стало, отношения резко похолодели. Анастасия получает арендную плату за дом, ее хватает, чтобы погасить коммунальные расходы в городе и купить продукты. Настя сама готовит, убирает, домработницы нет, на прислуге сэкономили. Но на модную одежду, отдых, дорогие машины денег нет. Сколько получают остальные члены семьи, зарабатывают ли они хоть что-нибудь, Петрова понятия не имеет, никто, кроме нее, не заботится о быте, оплате счетов, продуктах. И, конечно, после того, как ты жила в окружении штата прислуги, трудно самой чистить картошку, выносить помойку, убирать. Нет, не физически, Настя крепкая женщина, которая умеет делать все, она отнюдь не белоручка. Но, собираясь отправиться к бачкам во двор, Петрова всегда берет с собой болонку Лауру. Зачем? А для того, чтобы сказать соседям, которые могут повстречаться в лифте, подъезде или на улице:

– Мы с Лаурочкой пошли гулять, заодно я пакет с мусором прихватила. Дети не разрешают мне помойку выносить, но я потихоньку. Они-то много работают, устают.

На самом деле Косте, Лизе, Тине и Евгению и в голову не приходит самим пробежаться к бачкам с отбросами. Да и зачем? В доме есть хозяйка, это ее забота. Анастасии же очень хочется выглядеть в глазах соседей так, как раньше: богатой женщиной, матерью детей, которые ее обожают. Но всего этого нет и в помине. Очень часто, вернувшись домой и вымыв руки, Настя берет Лауру, сажает ее на колени и изливает собачке все свои горести, делится воспоминаниями о счастливой жизни. Лаура единственная, кто слушает Настю и жалеет ее.

Неделю назад Анастасия пошла в магазин, по дороге сообразила, что оставила кошелек дома, и вернулась. В квартире тогда находились только Лиза и Евгений. Они знали, что Настя ушла, и поэтому беседовали громко и откровенно.

– Думаешь, у старухи совсем с деньгами швах? – осведомился Женя.

– Да небось нычит от нас, – ответила Лиза.

– Сколько она за аренду особняка получает? – спросил зять.

– А... знает, – хмыкнула дочь, – старая ведьма молчит. Интересно, куда она запрятала брюлики, которые ей отец дарил?

– На мужиков спустила, – заржал зять.

– Надо у нее в комнате пошарить. И как мы раньше до этого не додумались? – огорчилась Лиза.

– Интересно, сейф в доме есть? – пробормотал ее муж.

– ... знает, – снова выругалась Елизавета, – при мне о нем никогда не говорили. Но если он есть, то находится или в бывшей родительской спальне, или в кабинете папахена. Теперь там Костя живет.

– ...! – рассердился Евгений.

– Не злись, – остановила его жена, – надо выждать момент и у них пошарить.

– Если они сами уже его не нашли! И почему мы только сейчас подумали о сейфе? Когда Настька умрет, квартира будет чьей?

– Нашей.

² Битва на Калке – черная страница русской истории. 1223 г. Сражение между объединенным русско-половецким войском и монгольским корпусом закончилось полной победой монголов.

– Ха. Меня она здесь не прописала, я в своей коммуналке числюсь, – возразил зять.

– Я имела в виду, моя и брата.

– М-да! После того как мамахен тапки откинет, делиться с Костей придется. Давай попрыгай перед матерью, постарайся, послушай ее тупые рассказы, прояви внимание. Она на тебя завещание напишет, особняк только тебе достанется.

– Если я буду внимать всем ее бредням, времени жить не останется, – отрезала Лиза, – у матери пасть не захлопывается. Я все ее байки давно наизусть выучила. Твоя очередь пыхтеть. Начинай к теще подлизываться. Букет ей купи.

– У меня кошелек пустой.

– У Настьки попроси.

– Она не дает.

– Плохо просишь. Хочешь, чтобы нам дом достался?

– А ты нет?

– Тогда не отворачивай рожу от тещи. Улыбайся ей, говори комплименты, жрачку, которую она готовит, хвали.

– Дочь ты. Она любви не от меня ждет.

– Валька ей вчера платок купила. Мамахен аж зарыдала от радости, теперь невестка стала ей роднее всех. Принеси теще подарок.

– Сказал уже: у меня денег нет.

– Заработай.

– У меня проблемы.

– У тебя они всегда.

Мирная беседа перешла в перепалку. Анастасия взяла кошелек, вышла во двор, добрела до садика, села на скамейку и впала в состояние окаменевшей черепашки. Сколько времени она провела в оцепенении, Петрова не знает, но когда очнулась, решила все же пойти за продуктами в супермаркет.

Глава 4

Как все бедные люди, Анастасия теперь точно знает, сколько у нее денег в кошельке до копейки. В тот день там было шесть тысяч сто тридцать два рубля. Петрова катила меж стеллажей тележку, методично складывая туда макароны, муку, рис, подсолнечное масло... В доме закончились все припасы. Взяв очередной пакет, Настя вынимала калькулятор и приплюсовывала его стоимость к уже набранной сумме. Когда она перевалила за четыре тысячи сто тридцать два рубля, Петрова направилась к кассе. Она решила оплатить гору продуктов, а потом устроить себе праздник, сходить в кафе, выпить латте, съесть пирожное, почувствовать себя счастливой, молодой, любимой женой при богатом муже. Она очень давно не позволяла себе таких походов. Но сегодня после ненароком услышанной беседы дочки с зятем у нее стало темно на душе. Анастасия надеялась, что маленькая радость смоем черный осадок.

Из длинного ряда касс работали только две. Петрова встала в конце очереди и вынула кошелек. Почему она решила пересчитать деньги? Настя прекрасно помнила, что перед уходом в магазин тщательно проверила количество денег. А потом ушла, забыв портмоне в холле. Сейчас не стоило волноваться, но непонятно почему она испытывала беспокойство. Чтобы избавиться от некомфортного ощущения, она и вынула дорогой, некогда подаренный Алексеем кошелек, и... внутри оказалось тысяча сто тридцать два рубля.

Настя не поверила своим глазам. Она потрогала деньги, проверила остальные отделения. Пять тысяч одной купюрой испарились.

Анастасия оглянулась, увидела, что за ней выстроилась очередь, и попросила мужчину, который почти въехал своей тележкой ей в спину:

– Отойду ненадолго, кефир забыла.

Незнакомец молча кивнул. Настя дотолкала корзину на колесах до каких-то стеллажей, зарулила в проход, увидела коробку с собачьим кормом и обрадовалась, на одной была изображена болонка.

– Понимаешь, Лаура, – всхлипнула Настя, глядя на картинку, – в кошельке было две крупные купюры: одна тысяча и пять. Еще сотня, три десятки и мелочь. А теперь пятерки нет. Давай, Лаура, думать. Кошелек остался в холле. Когда я уходила, там точно было шесть тысяч сто тридцать два рубля. Я вернулась, взяла портмоне и не открывала его по дороге. Спасибо, что сейчас меня осенило в него заглянуть. И нет пятерочки! Ох, хорошо, что мне чек не пробили. Понимаешь, как стыдно было бы! Люди стоят, смотрят, а я кассиру говорю:

– Простите, денег нет, куда подевались, не знаю. И что теперь делать?

– Пойти со мной в кафе, – произнес баритон.

Анастасия ахнула.

– Кто здесь?

Пачки с кормом зашевелились, за ними показалось лицо мужчины.

– Я. Простите, услышал ваши слова.

Петрова чуть не задохнулась от неожиданности.

– Вам плохо? – испугался мужик.

– Леша, – выдохнула Анастасия, – ты вернулся! Ты со мной! Ты снова рядом!

Настя сделала глубокий вдох, из ее глаз хлынули слезы. Тот, кого она приняла за мужа, исчез. Петрова вытерла ладонью лицо. Ну вот! Она начинает сходить с ума. Скоро дети запрут ее в психушке и забудут о ней до того момента, когда придется организовывать похороны, начнут грызться из-за квартиры и дома.

Настя отыскала глазами пачку с изображением болонки, схватила ее, прижала к груди, потом отстранила.

– Понимаешь, Лаура, я решила, что здесь находится любимый Леша. Мне так его не хватает. Но я не сдамся из-за тебя. Что будет с тобой, если меня упрячут в сумасшедший дом?

– Анастасия Егоровна, пожалуйста, не пугайтесь, – сказал за спиной знакомый до слез голос, – я не призрак, я не Алексей Николаевич. Я его сын!

Настя обернулась, споткнулась о тележку, чуть не упала, но ее подхватили крепкие руки.

– Я живой, я не фантом. Вы любите кофе? – задал вопрос клон покойного.

– Да, – кивнула Петрова, – очень. В особенности латте.

Клон Алексея повел ее к выходу.

– Знаю прекрасный ресторанчик поблизости, там изумительные пирожные.

– У меня нет денег, – прошептала вдова.

– Даме не следует за себя платить, – улыбнулся мужчина.

– Эй, вы, стойте, – воскликнул охранник. – Где чек на корм?

Только сейчас Настя поняла, что она до сих пор прижимает к груди упаковку корма с портретом Лауры.

– Ой! – рассмеялся ее спутник. – А я и не заметил. Мы не берем этот товар.

– Нет-нет, – испугалась Настя, – там на картинке Лаура, моя собачка. Нет-нет, я заплачу. Сколько надо?

– На кассу идите, – буркнул секьюрити.

Сопровождающий Петрову мужик подошел к нему, что-то тихо сказал, потом протянул купюру.

– Пожалуйста, уладьте это сами.

– О'кей, парень, – повеселел охранник, и пара оказалась на улице.

– Меня зовут Федор Харитонов, – представился ее спутник, когда они сели за стол.

– Очень приятно, Анастасия Егоровна, – прошептала она.

– А чего вы хотите? – спросила официантка.

Федор посмотрел на Настю.

– Латте?

Та кивнула.

– Отличный выбор, – одобрила девушка, – он у нас великолепный.

– Самый большой стакан, и чтобы все было как для президента, блюдо разных пирожных, – скомандовал Федор, – у нас праздник.

Когда официантка ушла, Настя, у которой прошла истерика и заработал мозг, выпалила:

– Вы не сын Алексея!

– Не похож? – расстроился Федор.

– Одно лицо, – честно ответила она, – и голос ваш мне кажется родным. Но муж никогда мне не изменял. У нас всегда были честные открытые отношения. Я Леше только счастья желала. Он знал, что я всегда на его стороне, отпущу мужа без скандала, если он полюбит кого-то еще. Он никогда не врал мне.

– Разве я сказал о любовнице? – мягко осведомился Федя. – Намекнул на адюльтер?

– Нет, но ребенка без женщины не получишь, – разумно возразила Настя.

– У меня была прекрасная мама, – пояснил Федор, – она погибла, когда мне исполнилось восемь. Мы переходили улицу на зеленый свет при пустом шоссе. Вдруг откуда ни возьмись вылетела машина. Мама каким-то чудом отпихнула меня в сторону. Я остался жив, она погибла.

– Ужас, – ахнула Настя.

– Приятного мало, – согласился Федор, – я попал в детдом. Очень хотел домой, плакал постоянно, потом смирился. В восьмом классе меня осенило. Отец! Он есть у каждого ребенка. Надо его найти. Мама говорила, что папа был полярным летчиком, геройски погиб, спасая людей, которых на льдине унесло в океан. Я ей верил, гордился отцом, тоже хотел стать лет-

чиком. Но в интернате дети живо объяснили домашнему наивному мальчику, что женщины, которые родили от любовника, всегда поют детям песни про подвиги погибшего родителя.

– Жив твой папахен, – вещал мне Володя Пирогов, – просто у него настоящая жена есть. А с твоей мамкой мужик развлекался. Тебе повезло, что дома жил. Меня в пять лет органы опеки забрали, мамахен пила. Наверное, у нас хорошие папы, но мы их никогда не найдем.

Федор взял из рук официантки блюдо и сам поставил его на стол.

– Анастасия Егоровна, какое пирожное вам больше по вкусу?

– Корзиночка со взбитыми сливками и клубникой, – сказала Петрова.

– Это чудесный выбор, – согласился Федор и пододвинул блюдо поближе к ней.

Анастасия Егоровна сделала глоток из высокого бокала и закрыла глаза.

– Невкусно? – забеспокоился Федя.

– Наоборот, – ответила Настя, – давно так не наслаждалась. Феденька, вы мне, конечно, сейчас расскажете историю, которая должна объяснить, что Алексей Николаевич мне не изменял. Но, друг мой, согласитесь, это смешно. Я не маленькая девочка. Муж мой умер, у вас нет матери. Вы часть Алексея Николаевича, поэтому я готова взять вас под свое крыло. Увы, я не богата, материально не помогу, но постараюсь вас полюбить.

– Вы ангел, – воскликнул Федор, – но господин Петров чист перед вами. Слышали когда-нибудь о донорском оплодотворении?

Глава 5

Анастасия потрясла головой.

– Донорское оплодотворение? Это что?

Федор взял эклер.

– Мужчина сдает... э... семенную жидкость, потом ее вводят женщине, супруг которой не способен зачать ребенка по медицинским показаниям.

– Как? – растерялась Настя.

Собеседник почесал щеку.

– Деталей я не знаю. Наверное, шприцем.

Анастасия потупилась.

– Я о другом. Женщина рождает малыша неизвестно от кого, а муж согласен?

Федор кашлянул.

– Бесплодная пара может взять ребенка из приюта. Но тогда он будет стопроцентно чужим, а в случае донора – наполовину свой. И забирая младенца из интерната, вы сильно рискуете. Генетика работает независимо от желания человека. Кто может бросить свое дитя?

– Несчастливая девушка, попавшая в сложные обстоятельства, – вздохнула Анастасия. – Например, школьница. Ее родители настояли на отказе от ребенка. Или жертва изнасилования. Ну... алкоголичка, наркоманка, проститутка.

– Любая женщина, хорошая, порядочная, может стать жертвой сексуального насилия, – продолжал Федор, – мне понятно, почему такие в случае беременности от подонка решаются на аборт. Но, если такая родила ребенка и отдала его в приют, то в ее сыне-дочери будет половина генов преступника, и неизвестно, проснутся они в подростке или нет. Про пьяниц, наркоманов и говорить не стоит. Да, врачи осмотрят в роддоме ребенка, вероятно, он окажется физически здоров. У него появится приемная семья, и бабах, лет в двенадцать парень потянется к бутылке, таблеткам-порошкам. В нем заговорят хромосомы отца. Это не всегда происходит, но случается.

– А чем донор лучше? – спросила Настя. – Та же генетическая лотерея.

– Так, да не так, – возразил Федор, – в клиниках предъявляют очень жесткие требования к донору, он проходит полное обследование, психологическое тестирование. Предпочтительный возраст восемнадцать – тридцать пять лет, отменное физическое и психическое здоровье, прекрасный медико-генетический статус, соответствие сдаваемой семенной жидкости всем критериям Всемирной организации здоровья. Придется заполнить анкету, вопросов в ней тьма: образование, наличие своих детей, цвет глаз-волос, вес, какие лекарства принимал, чем болел, вероисповедание, профессия, национальность. И это не праздное любопытство врачей. Согласитесь, странно, если в славянской семье появится ребенок восточного типа. Женщины своих мужей, от которых в законном браке родить собрались, так тщательно не проверяют, а зря. Донорство неплохо оплачивается, это денежное подспорье для тех, кто оказался в сложных финансовых обстоятельствах. Как правило, мужчина анонимно сдает материал. Бесплодная пара изучает анкету, в ней нет паспортных данных. Но есть лица, которые разрешают сообщать бездетной семье всю информацию о себе, включая адрес, телефон и фото.

Анастасия только моргала, а Федор продолжил:

– Мне и в голову не могло прийти, что моя мать воспользовалась такой услугой. Это я сейчас про донорство почти все знаю, а раньше, как и вы, даже не слышал о нем. Жил бы себе дальше, полагая, что являюсь плодом внебрачной связи, сыном непорядочного мужика, который бросил беременную любовницу. Правда открылась случайно, я попал в курьезную ситуацию, как в глупом кино. Приехал в гости к другу. Мы поужинали, и Антон с женой стали на меня наседать:

– Тебе жениться пора.

Я привычно ответил:

– Не нашел пока свою единственную. И вообще отстаньте, на меня не смотрите, лучше в телек гляньте.

Мы с Антошей работаем в одном банке, развлекательные телешоу нас с ним не интересуют, смотрим иногда канал «Финансы-деньги-биржа». И в тот день он фоном нашей обычной беседы был. Болтали о всякой ерунде, вдруг Ирина, жена Антона, как подпрыгнет.

– Федя! Ты!

Я засмеялся.

– Отлично. Сiju уже часа два, а ты только сейчас сообразила, кто у тебя в гостях?

Ира рукой на экран показывает.

– Смотри.

Я повернул голову, телевизор демонстрировал фото. А на нем я! Потом присмотрелся... Ну, не было у меня никогда такой одежды! А снимки меняются. Я на море, явно в Крыму, пляж каменистый, вместо лежаков полотенца, и народ русский, женщины в дурацких купальниках. Сейчас такие не носят. Щелк. Я в ушанке, драповом пальто с меховым воротником, в руках страшнолюдовский портфель с раздутыми боками. Антон тоже изумился.

– Федька! Ты чего так вырядился?

Я ничего не понимаю. Лицо точно мое, а шмотки чужие!

Потом появилась студия, ведущая с гостем кокетничает:

– Алексей Николаевич, а вы в молодости были красавчиком! Наверное, от девушек отбоя не было?

Гость улыбнулся.

– Я и сейчас еще ничего, ого-го какой. Но никогда не интересовался прекрасными дамами, рано женился, всю жизнь люблю свою супругу.

– Думал ли студент Петров, что станет богатым человеком? – продолжала журналистка.

– Вы показали старые кадры, – пояснил Алексей. – В то время у меня капитала не было. Имелись жена, ребенок, ждали второго. Я был весь в долгах, не знал, как их отдавать. Но во мне почему-то жила твердая уверенность – все непременно будет хорошо.

– Судя по тому, что вы живы, долги удалось погасить вовремя? Где деньги взяли? – бесцеремонно осведомилась ведущая.

Петров склонил голову к плечу.

– Полагаете, что я скажу правду? Не надо путать интервью телеканалу и исповедь. Могу лишь сообщить, что мне в голову пришла оригинальная идея, и я ею воспользовался.

– И стали богатым человеком, – подвела итог ведущая. – Последний вопрос: назовите свои жизненные принципы.

Петров взглянул на девушку, как паук на муху.

– Ничего оригинального. Можно врать окружающим, но никогда нельзя лгать самому себе и жене. Взял в долг? Верни. Не можешь? Честно объясни партнеру ситуацию, не бегай от него. Плати налоги. Жертвуй часть денег на благотворительность. Никогда не бросай своих детей, всегда им помогай. Не изменяй жене, не меняй супругу пятидесяти лет на двух красоток по двадцать пять, день, когда ты пожалеешь, что разрушил семью, непременно настанет. Закон бумеранга срабатывает всегда, поэтому не твори зла, оно к тебе непременно вернется. Совершай добрые поступки, и все будет хорошо.

– У нас в гостях был Алексей Николаевич Петров, – затараторила ведущая, – успешный бизнесмен, верный муж, заботливый отец, богатый человек, меценат, благотворитель.

После этого интервью Антон и Ирина налетели на Федю.

– Он точно твой отец! Найди его.

Харитонов отнекивался, друзья настаивали, в конце концов Ира сказала:

– За спрос не бьют. Пришли Петрову свое фото на Ватсап, попроси о приватной беседе. Телефон мужика найду завтра.

Жена Антона работала в прокуратуре, у нее было множество знакомств, поэтому нужные сведения быстро оказались у Федора. По наущению приятелей он отправил свое фото Петрову. Ответ прилетел неожиданно быстро.

– Откуда у вас снимок меня молодого, но в современной одежде?

Федор написал:

– Это не вы, а я. Есть ли возможность нам встретиться?

– Сегодня в девять вечера, кафе «Букино», – сообщил олигарх, – оденьтесь попроще.

В назначенный час Федор вошел в трактир, где гудел народ. Появление парня не привлекло внимания, за столиками сидели в основном дальнбойщики, похоже, это были постоянные клиенты.

– Эй, сюда, – закричал человек в дешевой куртке.

Федор подсел к нему. После обстоятельного разговора Алексей Николаевич подбил итог:

– Тест ДНК сдашь?

– Без проблем, – согласился Федор.

Петров дал адрес.

– Завтра в полдень, не опаздывай.

Глава 6

Анализ ДНК показал, что Федя с девяносто восемью процентной точностью родной сын Алексея. Петров не скрыл удивления.

– Я думал, ты просто на меня похож.

– Помните мою маму? – спросил Харитонов.

Биологический отец покачал головой.

– У вас было столько баб, что они тасовались как карты в колоде? – хмыкнул Федя. – Сразу уточню, чтобы вы не нервничали: мне ничего от вас не надо. Квартиру сам купил, работаю на престижной должности, есть перспективы карьерного роста. Денег мне хватает.

– Чего тогда ко мне обратился? – прищурился Петров.

– Сам не знаю, – честно ответил Федя, – друзья заставили после того, как передачу по телику увидели. Если мы родня, вам надо знать, что у вас есть кто-то близкий. Вдруг беда случится, будет кому вам помочь.

– У меня нет проблем с деньгами, – отмахнулся Алексей.

– Отлично, – обрадовался Харитонов, – но капитал, бизнес легко потерять. Или здоровье подведет. Если понадобится моя помощь, просто позвоните, я приеду. Я в сыновья не навязываюсь. Но, не скрою, мне очень приятно, что мой отец вы, а не какой-то маргинал, алкоголик, андеграунд ходячий. Хотя навряд ли моя мама могла связаться с такой личностью. Правда, я ее плохо знал, она погибла, когда я был совсем маленьким, мне тогда она казалась самой лучшей на свете. Но теперь я понимаю, что некоторых умных девушек тянет на мужиков-дерьмо. Нравится им спасать наркоманов, пьяниц, терпеть побои. Я рад, что вы не такой. До свидания!

Федор встал.

– Сядь, – велел отец, – не дуй губу. Я никогда не изменял жене.

– Учитывая результат анализа, в ваши слова трудно поверить, – заметил Харитонов.

Алексей посмотрел ему в глаза.

– Я подрабатывал донором спермы.

Федя ожидал услышать от отца все что угодно, но такой вариант ему в голову не приходил, от растерянности он по-детски спросил:

– Чего?

– Задолжал одному мужику денег, занял на оплату врача, у которого жена рожала, тогда все вроде было бесплатно, но в карман доктору положить было надо, а то и не подойдет к бабе. И вовремя отдать не смог. Не было средств, – объяснял только что обретенный папаша. – На мой сегодняшний взгляд, это была ерунда, а не сумма, но тогда она казалась мне огромной. Человек тот был не браток, не ростовщик, просто знакомый, не очень обеспеченный, копил на квартиру, но мне сказал: «Вернешь, когда наскребешь». От его слов я ощутил себя последней сволочью. В студенческие годы я кровь за деньги сдавал, решил повторить этот опыт, пришел на станцию переливания, узнал расценки, приуныл: там копейки платили. И тут тетка в регистратуре подсказала: «Молодой человек, с виду вы здоровый, симпатичный. Вот адрес клиники, там нужны анонимные отцы. Оплата в разы больше, чем у нас, заодно бесплатное обследование сделаете». И я отправился в медцентр. Оказалось, ничего сложного, я по всем параметрам в элитные отцы прошел. Приходил туда не один раз, отдал долг и закончил карьеру донора. Я не знал, воспользовался ли кто-то моими услугами, не думал о детях: родились они или нет. Ни одна душа не знала, чем я занимался. В медцентре мне сразу объяснили, что бездетные пары или одинокие бабы фото доноров не видят, ничего о них, кроме номера в картотеке, не знают. Им дают описание внешности, привычек, талантов анонимного отца. Если супруги, допустим, музыканты, то биоматериал от студента консерватории прямо для них. Странно,

конечно, сейчас обрести взрослого сына, но я не против. Вот только ни с женой, ни с детьми знакомить тебя не стану. Зачем им стресс?

Харитонов стал общаться с отцом, пару раз в месяц они вместе обедали, много разговаривали. У них нашлись общие интересы, они на многие проблемы смотрели одинаково.

– Ты больше мой сын, чем Костя, – как-то раз признался Алексей, – ему только деньги нужны. И Елизавете тоже.

– От бабок никто не откажется, – улыбнулся Федор, – но у каждого свой способ их получить. Можно выпросить, а можно заработать. Мне второе больше нравится, я себя тогда уважаю.

– Ты прям, как я, – протянул Алексей, – ни копейки я у родителей жены не взял.

Время шло, потом вдруг отец прислал Федору сообщение – адрес и предложение: «Приезжай скорей».

Федя бросил все дела, ринулся на незнакомую ему улицу. Там в дорогом жилом новом доме его ждал отец.

– Значит, так, парень, – сказал он, – я был сегодня на обследовании. Нашли у меня фигню. В таком месте, что не прооперировать. Как сказал доктор: «Мы пока этого не умеем». За границу ехать бесполезно, там тоже откажут. Самолетом летать запрещено. Нервничать запрещено. Стресс любой, даже радостный, противопоказан, легче сказать, что мне можно: смирно и молча сидеть в кресле и ждать смерти.

– Надо ехать в Германию, – занервничал Федя, – поездом, спокойно.

– А, – отмахнулся отец, – я уже говорил с медицинским консультантом, моя проблема при сегодняшнем уровне развития мировой медицины не решаема. Очень редкий случай.

– Да что с тобой? – перешел с отцом на «ты» Федя.

– В мозгу граната с выдернутой чекой, – ухмыльнулся Петров, – когда рванет, неведомо. Я ни дома, ни на работе никому правды не скажу. Но дела необходимо привести в порядок. Завещание давно на всякий случай составил, но подозреваю, что кое-какие гниды налетят и лапы погребут. Чтобы Настя не умерла с голоду, я кое-что припрятал в надежных местах. Это не банковские вклады. Просто нычки, отыскать их чужому человеку невозможно. Там масса всего, документы и много чего еще, включая очень большую сумму наличкой в валюте. Анастасии я это не оставляю. Она добрый податливый человек. Дети ее в грош не ставят, после моей смерти все отнимут. Костя дурак и лентяй. Стилист, е-мое! Жена у него поэтесса. Лиза непонятно чем занимается, зять у компьютера сопит. Все бездельники от меня ежемесячно очень приличную сумму получают. Да никому ее не хватает. Константин недавно заныл:

– Пап, купи мне новую машину.

– Твоя еще не старая, – возразил я.

– Ей уже два года, – обиделся командир расчески с феном. – Что тебе, три миллиона жалко? Это же недорого!

– Парикмахер – нужная профессия, – вступился за незнакомого брата Федя.

– А ты спроси, сколько человек к нему в месяц приходит, – нахмурился Алексей, – салон великого стилиста открыт один день в неделю. Короче, видишь коробку?

– Да, – ответил Федор.

– В ней ключ. Понял?

– Нет, – признался Федя.

Отец снял крышку, вынул картину и спросил:

– Что это?

– Пейзаж, – ответил сын.

– Верно. Но это одновременно ключ, – пояснил Алексей. – Когда я умру, тебе нужно выждать время. Будь внимателен, осторожен. На Анастасию налетят грифы, станут обжирать наследство, все, как им покажется, отберут. Но это им только покажется. На виду лишь одна

четверть денег, остальное припрятано. Дом и квартиру не отхапают. Они изначально находятся в собственности Насти, не по завещанию получены. Если совсем семью прижмет, особняк сдадут, на кефир с булочкой хватит. Несколько лет сиди, Федя, не вылезай. Потом поедешь в деревню Муркино, покажешь картину одному человеку, он тебе растолкует, как найти огород, где мой клад закопан.

Речь Петрова прервал звонок.

– Да, – резко ответил Алексей, – нет. Я в дороге, еду на комбинат. Так. Поворачиваю назад. Спасибо, что предупредил, уже лечу. Задержи их.

Алексей встал.

– Федя, завтра договорим. Приезжай сюда к десяти утра. Это единственное место, где я могу без опаски все объяснить. Вот, держи ключ от апартаментов.

– Кому принадлежит квартира? – проявил любопытство сын.

– Все завтра, – бросил на ходу отец.

– Ты куда? – не успокаивался парень, входя с Алексеем в лифт.

– Бизнес, – отмахнулся Алексей, – вечный адреналин и непредсказуемость. Люблю его за то, что не дает от скуки пропасть.

На следующий день точно в указанное время Федор приехал в жилой комплекс, открыл полученным от отца ключом дверь, вошел в апартаменты, понял, что он здесь один, и не удержался, пошел бродить по комнатам. Чем дольше Харитонов ходил, тем больше ему нравилась квартира. Четыре комнаты, столько же санузлов, кабинет, гостиная, столовая с кухней, выход на крышу, там крытая терраса. Имей Федя возможность, он бы купил именно такое жилье: просторное, светлое, с панорамными окнами. И мебель правильная, и осветительные приборы замечательные, и кухня что надо.

Осмотрев все, парень вернулся в кабинет, сел в кресло за столом и увидел папку с надписью: «Отдать Федору Харитонову». Прочитав свою фамилию, он удивился, открыл скоросшиватель и обомлел. Внутри лежали документы на квартиру, в которой он сейчас находился. Апартаменты принадлежали ему.

Несколько раз прочитав бумаги, Федор позвонил отцу.

– Алло, – ответил незнакомый женский голос.

– Простите, я ошибся номером, – сказал Харитонов.

– Вам нужен господин Петров? – спросила незнакомка.

– Да, – изумился Федя.

– С прискорбием сообщая, что Алексей Николаевич скорпостижно скончался, – почти шепотом договорила дама, – ваш номер определился как телефон Харитонова.

– Это я, – ошарашенно подтвердил Федор.

– Анна, помощник секретаря Алексея Николаевича, – представилась женщина, – о дате похорон сообщим вам на Ватсап. Убедительная просьба не звонить по домашнему телефону. Семья в шоке.

– Да, – пробормотал Федор, – конечно. Понимаю.

На похороны он не пошел. Нет, он очень хотел проститься с отцом, но его невероятная схожесть с покойным могла вызвать недоумение, перешептывания и сплетни.

Глава 7

Анастасия Егоровна замолчала.

– Чем мы можем вам помочь? – осведомился Костин.

Моя соседка показала на коробку, которую принесла к нам домой, а теперь привезла в офис.

– Откройте, пожалуйста.

Володя встал и снял крышку.

– Достаньте содержимое, – попросила Петрова.

И тут зазвонил телефон.

– Простите, – сказал Костин и взял трубку. – Кто? Харитонов?

– Федя! – обрадовалась Анастасия. – Я написала ему, куда направляюсь, просила приехать.

– Пусть поднимается, – распорядился Володя.

– Мальчик вам сейчас все сам объяснит, – обрадовалась Анастасия.

Спустя время в кабинет вошел крепкий молодой мужчина.

– Феденька, – обрадовалась Анастасия, – я рассказала детективам о нашем знакомстве, сообщила все, что от тебя узнала.

– Добрый день, господа, – поздоровался Харитонов.

Костин не стал тянуть кота за бантик.

– Зачем мы вам понадобились?

Федор убрал рукой челку, упавшую ему на лоб.

– Отец объяснил: человек, который увидит картину, покажет, где находится состояние, о котором Алексей Николаевич говорил. Оно спрятано в надежном месте. Что это? Квартира? Дом? Погреб? Огород? Ответа нет. В каком месте зарыты, заперты, замурованы ценности? Я понятия не имею. Эти сведения должен получить, отдав картину. Кому? Где искать доверенное лицо? Даже приблизительно не знаю. Все подробности отец собирался сообщить во время нашей встречи, но ее прервал телефонный звонок. Алексей Николаевич велел мне приехать на следующий день, но беседа не состоялась из-за его скоропостижной смерти. Что я знаю? Надо отдать кому-то картину. Все. Я пребываю в растерянности. После кончины отца я выполнил его просьбу, наблюдал за вдовой. Знал, что ей не очень-то сладко, выждал срок, который Алексей Николаевич велел соблюсти. Но подошел к ней в супермаркете чуть раньше, чем следовало. Потому что она тогда оказалась в крайне плачевном состоянии.

– Почему вы не приехали к ней домой? – спросила я.

Федор замялся.

– Ну... э... Отец не хотел, чтобы члены семьи узнали о деньгах. Он полагал, что дети отберут у матери все.

– Вы получили от отца дорогое жилье, – сказал Володя.

– Да, – согласился Харитонов, – но я его об этом не просил. Понятия не имел, что Алексей Николаевич на мое имя хоромы приобрел. Если Анастасия Егоровна захочет, я отдам ей апартаменты.

– Федя вылитый Леша в молодые годы, – всхлинула Петрова, – смотрю на него, и сердце переворачивается.

– Значит, все, что у вас есть, – это пейзаж, – резюмировал Костин.

– Еще название деревни – Муркино, – подсказал Федор, – последние слова отца звучали так: «Поедешь в деревню Муркино...» И тут его отвлек телефон.

– Это снимок? – удивился Костин. – Я думал, что картина.

Федор закинул ногу за ногу.

– Да, он так сказал. Я сам удивился, когда увидел, решил, что передо мной акварель. И тут ожил до сих пор молчавший Захар Рамкин, наш компьютерщик.

– Берется фотография, обрабатывается определенным образом, получается полотно в любом виде: акварель, масло. Можно изменить местность, что-то добавить, убрать. На снимке развалины храма, я могу из них воссоздать собор.

– От церкви остался только первый этаж, как вы поймете, что было выше? – изумился Федор.

Рамкин посмотрел на Костина.

– Можно?

– Давай, – разрешил Володя.

Захар пощелкал своим телефоном над снимком, потом велел:

– Смотрите на плазму.

Мы все перевели глаза на экран, который висел на стене. На нем появилось изображение пейзажа. Оно раздвинулось, развалины остались слева, справа появилась колонка с крохотными фотографиями.

– Мы видим нижнюю часть окон с декором, ищем верхнюю, – пояснил Захар.

В левой части замелькали картинки, потом несколько штук остановилось и «переехало» на наш снимок.

– Вуаля вам битте, – обрадовался Рамкин, – быстренько управился, имеем законченный первый этаж и начало второго. Ясно?

– Весьма наглядно, – похвалил Захара Федор.

– Это ерунда, – заявил Рамкин, – детская забава.

– Вы поможете нам найти деньги? – по-детски попросила Костина Анастасия. – Только я пока заплатить вам не могу.

– У меня хватит средств на ваш гонорар и расходы, – сказал Федор.

– Это непростое дело, – протянул Костин, – нет гарантии, что мы справимся.

– Мы гарантий и не просим, – сказал Федор. – Жадные мерзавцы отняли у Анастасии Егоровны, как они думают, весь капитал мужа. А дети беззащитно растаскивают крохи, оставшиеся у их матери.

Костин посмотрел на меня.

– Можно попробовать. Но мы ничего не обещаем.

– Попытка не пытка, – парировал Федор. – Сколько с меня в качестве аванса?

Когда наши клиенты ушли, Костин позволил себе оценить ситуацию:

– Странная история.

– Я воссоздал храм, – подал голос Рамкин, – любуйтесь.

– Красивый, – восхитилась я, – на свадебный торт похож.

– Церковь находится в селе Муркино, – начал читать Захар, – построена в тысяча триста двадцать третьем году Емельяном Радовым с целью удержать своих крепостных от пьянства. Но архитектор Николай Панин, которого нанял Радов, сам любил выпить. И за пьянство был посажен в клетку. Барину пришлось отдать немалые деньги за его освобождение. Службы в церкви велись до тысяча девятьсот тридцать пятого года. Потом иконостас сожгли, уничтожили внутреннее убранство, сбросили колокола. Последующие сорок лет храм служил хранилищем сена. Потом случился пожар, сейчас от церкви остались руины.

– Строили, чтобы отучить народ от водки, однако архитектор угодил в острог за пристрастие к зеленому змию, – хмыкнул Володя, – забавно. Ну зачем жечь то, что не одно столетие мирно существовало?

– Обычная для советского времени история, – вздохнула я, – у моего папы был приятель, его сняли с должности, лишили звания полковника за то, что он участвовал в отпевании жены.

– Это тоже бред, – поморщился Костин. – Есть мысли насчет того, что рассказали клиенты? Раз мы подписали договор, начнем работу.

– Съезжу завтра в Муркино, – пообещала я. – Захар, это большое село?

– Нет, – тут же объяснил Рамкин, – двадцать пять домов. Но постоянно живут: Питирима Владимировна Молоканова, пенсионерка, ее адрес: улица Пионерская, дом два; Зотовы – Ангелина Михайловна с дочкой Валерией, у нее инвалидность по заболеванию ДЦП, на улице Октябрьская, десять; Фролова Лариса Олеговна, переулок Молодежный, четыре. Список ходок дамы на зону можно использовать вместо рулона туалетной бумаги. До недавнего времени она жила по принципу: украла – выпила – села – вышла – украла – выпила – села – вышла. Преступления, на мой не юридический взгляд, пустяковые. В последний раз она сперла в электричке банку сметаны у пассажирки.

– И ее за это отдали под суд? – изумилась я.

Захар развел руками.

– Пострадавшая написала заявление, преступница не отрицала своей вины. Уехала опять в барак, но скоро вернулась, вышла по амнистии. Последние четыре года ведет себя прилично. Больше ее пока не привлекали, но еще не вечер, все может случиться.

– Питирима, – повторила я, – имя как из сказки. Бабуля, которой немало лет, живет одна в селе? Сама таскает ведра, дрова колет, печь топит, за огородом ухаживает?

Захар оторвался от ноутбука.

– Я назвал тех, кто там прописан постоянно, однако старушка могла куда-то уехать. Правда, у нее родни нет. Но возможны разные варианты. Жильца пустила бесплатно за помощь и уход. Или дом кому-то сдает, на выручку сняла квартиру со всеми удобствами в новой Москве.

Глава 8

Войдя в холл, я услышала незнакомый мужской голос.

– Что решили насчет цвета?

– Сейчас хозяйка придет, она объяснит, – ответила Роза Леопольдовна.

В ту же секунду Фира и Муся вылетели в холл с лаем. Следом за мопсихами появилась няня Кисы.

– Мастер прикатил, – шепотом сказала она, – рулонку вешать.

Я посмотрела на часы, которые висели над зеркалом.

– Я вызывала его на семь, а сейчас пять.

Краузе развела руками.

– Он раньше появился. Недовольный!

– Ау, хозяйка, – закричал из столовой надтреснутый тенор, – вас до первого мая ждать?

Я пошла в кухню.

– Здравсти, – раздраженно произнес тощий носатый парень, – вы не единственные мои клиенты.

– Вызов оформлен на... – начала я, но юноша не дал мне договорить.

– Девять утра. Знаю. Вот вы на сколько задержались? А? И все так! Поэтому я припер только в пять.

– Не на девять, а на девятнадцать, – поправила я, – вы прибыли раньше.

– Поспориť решили? – разозлился мастер и вытащил трубку. – Лен, глянь, Романова у нас во скока?

– Опять перепутал, козел? – так громко, что ее визгливое сопрано разлетелось по всей комнате, осведомилась невидимая Елена. – Девятнадцать, урод!

– Да ты чего! – возмутился парень. – Она на девять утра.

– Жаба, если ты опять с бодунища, то готовься на вылет из нашей фирмы, – заорала диспетчер, – ... ты мне! Вообще! Енот вонючий! Вот настрочит Романова на тебя телегу, пойдешь вон со всеми своими закидонами. Усек?

Парень спрятал телефон и стал приветливым.

– Здравсти, я Жаба!

Роза Леопольдовна хихикнула, но мне удалось сохранить серьезность.

– Рада знакомству, Лампа.

– Если я жаба, то это еще не повод стебаться, – надулся парень.

– Никакого стеба, – заверила я, – меня зовут Евлампия, сокращенно Лампа.

– А я просто Жаба, – хмуро уточнил юноша, – фамилия такая. Жаба. Ничего смешного.

– Дорогой Жаба, – зашебетала Роза Леопольдовна, – мы даже не улыбаемся.

– А как вас зовут? – поинтересовалась я. – Наверное, лучше обращаться к вам по имени.

– Просто Жаба, – отрезал мастер.

– Роза Леопольдовна, – представилась Краузе.

Юноша сделал шаг назад.

– Роза... как?

– Леопольдовна, – подсказала я.

Парень расхохотался.

– Ой, не могу! Она дочь кота Леопольда!

Краузе развернулась, направилась к двери, но на пороге обернулась.

– Леопольд – весьма распространенное немецкое имя. А вам, Жаба, нечего потешаться над другими.

– Да просто мне смешно стало, – признался мастер, – представил, как котяра из мультика коляску с вами катит. Ой, умираю!

Каузе вздернула голову и выплыла в коридор.

– Работать когда начнете? – осведомилась я.

Юноша показал пальцем на стол.

– Там каталог. Выбирайте рулонку.

– А потом ждать придется пару недель, пока штора со склада приедет? – уточнила я.

– Не! У вас одно окно, в машине есть запас на этот случай, фиговый заказ, кучу времени потратишь, а пшик получишь, – поморщился парень. – Сейчас самый хит «Африка». На пятой странице.

Я пролистала альбом и увидела рисунок. Голубое небо, солнце, пальмы, река, разные животные на водопое.

– Супер, да? – восхитился мастер.

– Красиво, – согласилась я.

– Ой, как здорово, – закричала Киса, вошедшая в столовую, когда я начала рассматривать каталог. – Лампуша, давай Африку повесим.

– Я хотела самую простую рулонку, белую, такую, какая висела, – сопротивлялась я.

– По офису тоскуете? – съехидничал парень. – Чисто белых рулонок сейчас не делают, выпускают сероватые, они выглядят грязными.

– Африка симпатичная, – сказала из коридора Краузе, и я поняла, что няня не ушла далеко, ей интересно, что я выберу.

Киса молитвенно сложила руки.

– Лампушенька! Ну, пожалуйста! Африку!

– Внесите в жизнь жаркое солнце, – сказал Жаба, – добавьте яркие краски в серые будни.

Похоже, юноша цитировал рекламный слоган.

– В холодное время года хочется тепла, – высказалась Краузе.

Киса начала пританцовывать.

– Животные! Зебры, жирафы, слоники.

– Жаба прав, – встала на сторону мастера Роза Леопольдовна, – белая штора офисная.

Тоскливая.

– Есть кремовая с черепами, – оживился парень, – если не хотите симпатных обезьянок...

– Кости никогда, – отказалась я, – даже не предлагайте.

– Геометрический узор, – продолжал мастер, – круги, линии всякие.

– От них голова заболит, – возразила Краузе, – у меня точно мигрень начнется.

– Катастрофы! – предложил парень. – Падение самолета, пожар.

– Нет, – хором заявили мы с няней.

– Африку, – канючила Киса, – зверушек.

– Люстра, чего вы с ребенком спорите, – укорил меня Жаба, – не машину покупаете. Ну, повисит недолго. Надоест, снимете, не разоритесь. Вон девчонка чуть не плачет.

Я посмотрела на расстроенное личико Кисы.

– Вешайте Африку.

– Ну, наконец-то! – обрадовался мастер. – Выбирали, будто квартиру покупали. Давайте договорчик подпишем. Читайте!

Парень вытащил из сумки пачку бумаги и положил на стол.

– Это что? – поразила я.

– Договор, – повторил Жаба. – Изучите быстренько.

– В нем тьма страниц с мелким шрифтом, – приуныла я.

– Люстра, вы подпись поставьте и забудьте, – посоветовал мастер.

– Кролик, я никогда не подписываю то, что не читала, – отрезала я.

- Меня зовут не Кролик, а Жаба, – опять оскорбился юноша.
- А меня не Люстра, а Лампа, – отбила я подачу.
- Ну похоже ведь, – хихикнул мастер, – все с электричеством связано.
- Кролик и Жаба вообще ближайшие родственники, – пришла мне на помощь Краузе.
- Еще скажите, что они похожи, – ввязался в глупый спор парень.
- Да просто брат с сестрой, – фыркнула Роза Леопольдовна, – и уши одинаковые.
- У жабы ухов нет, – заявил мастер.
- Да вы зоолог! – восхитилась няня. – Жаль, плохо родной язык освоили. Не ухов, а ушей.

Пока Краузе и парень вели глубокомысленную беседу, я углубилась в чтение. «Общество с ограниченной ответственностью „Рулзанавескрасота“, именуемое в дальнейшем „Исполнитель“, с одной стороны, и гражданин Российской Федерации (вписать ФИО), именуемый „Заказчик“, с другой стороны, именуемые вместе в дальнейшем „Стороны“, а по отдельности „Сторона“, заключили нижеследующий договор (далее „Договор“) о нижеследующем:

1. Терминология. В договоре нижеперечисленные термины имеют следующее определение. Исполнитель – это...»

Меня затошнило, я быстро указала свои данные, подписала последнюю страницу и вздохнула с облегчением.

- Сейчас притащу из машины что надо, – пообещал мастер и умчался.

Киса побежала за ним в холл.

– Лампа, не переживайте по поводу рулонки, – утешила меня Краузе. – Киса порадует, позовет подружек, покажет им Африку и забудет про нее. Вы потом ее безболезненно поменяете. Недорогая вещь-то.

Глава 9

– Сейчас буду вешать, – сказал Жаба, входя в столовую, – временно посидите в другом месте.

– Почему? – удивилась Краузе.

– Боитесь, что сопру что-нибудь? – хихикнул мастер. – Стул, например? Ну, и зачем он мне? Как мимо хозяйки его пропру незаметно? Дрель издает противный звук. Только поэтому предложил выйти.

– Мне никакой скрежет не мешает, – отрезала Краузе, – и вообще мы хотим чаю попить.

Жаба пожал плечами и включил электроприбор. Через секунду я зажала уши, но отвратительный свист по-прежнему ввинчивался в мозг.

– Роза Леопольдовна, – закричала я, глядя на невозмутимую Краузе, – как вы себя чувствуете?

– Прекрасно, а что? – завопила в ответ няня.

– Позовите меня, когда мастер завершит работу, – попросила я и убежала.

Слава богу, в спальне царила восхитительная тишина. Я помылась, надела халат, села в кресло, собралась читать новый роман любимой Татьяны Устиновой, и тут дверь открылась и появилась Краузе.

– Готово.

Я встала.

– Хорошо получилось?

Но няня уже убежала. Я пошла за ней в столовую.

– Ваше супер, – завопил мастер, увидев меня, – оригинально! Оплату можно оформить наличкой или картой, чаевые на ваше усмотрение.

– Рулонка свернута, опустите ее, пожалуйста, – попросила я.

– Вы оплачивайте, – потребовал юноша, – я ее специально закатал, чтобы видели, что она прекрасно поднимается.

Я вытащила из кошелька деньги.

– Теперь можно и посмотреть на Африку во всей ее красе.

– Вы любуйтесь, а я пока инструмент в холл отнесу, – засуетился парень, – у меня есть еще заказ сегодня. На щедрые чаевые пожадились, но лучше так, чем ничего.

Дав нелицеприятную оценку моей щедрости, мастер убежал со словами:

– Незачем нам его ждать, – Краузе дернула за шнурок.

Рулонка скатилась вниз, закрыв полностью окно.

Я икнула, Роза Леопольдовна попятилась, мы обе лишились дара речи. А вы бы как отреагировали, увидев на шторе изображение здоровенной, страшной, как атомная война, обезьяны, стоявшей к нам спиной, неприлично сверкая голой красной попой. Голова ее была повернута, она через плечо с ухмылкой глядела на нас. Одну руку представитель рода павианов поднял и демонстрировал отвратительный жест, свидетельствующий о его отношении к окружающим.

Краузе отмерла первой и с воплем:

– Жаба, стой, – кинулась в коридор.

Я тоже обрела способность двигаться, схватилась за шнурок, дернула за него раз, другой, третий... Но ничего не изменилось, рулонка не собиралась подниматься.

Радуюсь тому, что Киса уже легла спать, я молча рассматривала «картину».

– Он успел уехать! – воскликнула Краузе, входя в столовую.

Я взяла телефон и набрала номер мастера.

– Ваши пожелания закон для нас, – провозгласил парень. – Слушаю. Что вы хотите?

– Жаба! Что это у меня на окне? – изо всех сил удерживаясь от крика, спросила я.

– Это кто? – прикинулся дурачком собеседник.

– Люстра, – ответила я.

– А! Добрый вечер.

– Что у меня на окне? – повторила я.

– На каком?

– В кухне.

– Так вы сами заказали. Африка!

Я потеряла самообладание.

– Там омерзительная обезьяна! С голым задом и неприличным жестом! Вы показывали другую картинку в каталоге.

– Жалюзи продаются на метры, – зачастил Жаба, – в одном рулоне их двадцать. Он режется как режется. Я отмерил нужное количество и отчищал его.

– Я заказала другой рисунок! – заорала я.

– Интересное кино! – возмутился парень. – Я что, должен развернуть всю упаковку, найти понравившееся вам и вырезать? А остатки куда дену? Если хотели с подбором, надо было об этом сказать и купить весь ролик. Делайте тогда с ним что вам вздумается. Он ваш.

– Обманщик, – закричала Краузе, – мы напишем жалобу.

– Пожалуйста, – не испугался парень, – хозяйка договор подписала. Там указано, что рисунок варьируется. Претензии направляйте по адресу, который указан на двадцать пятой странице.

– Мало тебе не покажется, – пригрозила Роза Леопольдовна.

Я отсоединилась и опять уставилась на павиана. Краузе схватила договор, перелистала его и взвизгнула.

– Острова Красного архипелага!

Я потрясла головой.

– Роза Леопольдовна! Успокойтесь.

Краузе сунула мне под нос страницу.

– Адрес, по которому надо отправлять жалобу!

Я взяла страницу. «Если у вас возникнут претензии, то адресуйте их в головной офис фирмы по почте. Острова Красного архипелага, дом один. Или на адрес: „Ostrova Krasnogo arhipelaga.com“. Ваше мнение очень важно для нас. Вам непременно ответят. Мы заботимся о комфорте наших клиентов. Срок рассмотрения жалобы пятьсот шестьдесят девять дней с момента ее получения головным офисом. Если вы по истечении данного срока не получите официального ответа, направьте нам жалобу на неполучение официального ответа. Срок ответа на жалобу неполученного официального ответа составляет семьсот дней с момента ее получения головным офисом. Виновные в неответе вам сотрудники будут строго наказаны. Мы работаем для вас. Мы любим вас».

Я положила договор на стол. Слов, чтобы отреагировать на этот текст, не нашлось. Таких выражений еще не придумали.

– И что теперь делать? – растерялась Краузе. – Где находятся острова Красного архипелага?

– У меня географический кретинизм, – призналась я, – не знаю. Но думаю, что где-то очень далеко. За Кондибрасом.

– А где Кондибрас? – жалобно осведомилась няня.

– Понятия не имею, – отмахнулась я, – просто вспомнила сейчас, как моя классная говорила: «Романова, перестань болтать на уроках. Ты не на краю света учишься, не в Кондибрасе живешь, а в Москве».

Няня сдвинула брови.

– Для начала надо скатать сие чудовище! Не дай бог, Киса утром эту «красоту» увидит.

– Я пыталась это сделать, – призналась я, – но не получилось!

– Надо посильней дернуть, – решила Краузе, схватилась за веревку и сделала резкое движение рукой.

Рулонка вместе с креплением с грохотом упала на подоконник.

– Вот здорово, – обрадовалась я, – вопрос решен, скажем Кисе, что мастер не справился с работой. Она расстроится, но быстро забудет.

– Окно все равно нужно прикрыть, – протянула няня.

– Надо поискать приличную фирму, а не звонить в первую попавшуюся, – вздохнула я, – завтра я рано уезжаю, не знаю, когда вернусь.

– Сама этим займусь, – решила Роза Леопольдовна, – не верю интернету. Воспользуюсь старым методом.

– Каким? – заинтересовалась я.

Краузе показала на телефон.

– «Алло, Таня, это я. Нет ли у тебя хорошего мастера, чтобы рулонки повесил?» Сарафанное радио. Не беспокойтесь, вернетесь домой, и все будет в порядке. Я применила этот метод для поиска специалиста по кофемашинам. Он завтра вечером приедет. Мне его рекомендовала Мария Вильямовна. Уж будьте уверены, Трубина у него все анализы потребовала, родню мастера до всемирного потопа проверила. Если она чей-то телефон дает, можно расслабиться.

Глава 10

Село Муркино находилось недалеко от Москвы, но когда я вышла из машины, мне показалось, что я нахожусь на краю света.

Автомобиль стоял у руин церкви, асфальт закончился. Далее шла колея в размокшей глине. Я увидела табличку на первом доме: «Пионерская, дом 2». Именно в этой избе прописана Питирима.

Надо было надеть резиновые сапоги, но я отправилась на прогулку по сельской местности в тонких кожаных сапожках. Ну и как дойти до избы Питиримы? Почему я не натянула в промозглом марте угги? Так я за рулем сижу, в меховой обуви мне трудно управлять автомобилем. Я хотела взять с собой обувь из овчины, а потом решила, что деревня невелика, я не замерзну, пройдя небольшое расстояние.

– Краса ненаглядная, – сказал за моей спиной тихий голос, – что, соображаешь, как вперед пройти и не утонуть?

Я обернулась и увидела симпатичную пожилую тетюшку с доброй улыбкой.

– Ты неправильно нарядилась, – продолжала она, – постой-ка тут смирно, я тебя выручу.

Шлепая по грязи резиновыми сапогами, которые явно были велики ей, старушка, несмотря на возраст, резво дошла до первого дома, исчезла за калиткой и скоро вернулась. В руках она держала боты странного вида, более всего они походили на высокие, до щиколотки, калоши.

– Во, вездеходы всепогодные, – весело сказала незнакомка, – засовывайся в них прямо в своих фу-ты ну-ты сапожках.

– Испачкаю подкладку, – предостерегла я.

Бабуля поставила передо мной непромокаемые башмаки.

– А она там есть? Нету. Зато подошва – микропорка. Знаешь такое слово?

– Слышала его от мамы, – сказала я, – ботинки на микропорке.

– Отличная вещь микропорка, – цокнула языком бабуля, – вечная. Я их купила... дай бог памяти, в шестьдесят восьмом, сносу им нет. Ты к нам зачем? Уж не дачу ли снять?

– Да, – обрадовалась я подсказке.

– Рано озаботилась, – удивилась старуха, – март на дворе.

– Сейчас, наверно, можно договориться дешевле, – предположила я.

Старушка окинула меня взглядом.

– Наоборот. Я сама не сдаю. Не люблю чужих под боком, и не надо мне денег. Наша инвалидская команда, которая дачников пускает, состоит из двух человек. Зотова сейчас такую сумму заломит, что у тебя глаза на лоб полезут. Она до тридцатого мая ни рубля не уступит. Потом до сквалыги дойдет, что она, как всегда, пережадничала, без жильцов осталась, тут-то враз цену снизит. Вторая любительница деньги за свой сарай состричь – Ларка Фролова. Она с дачницей хоть сейчас за смешную плату сторгуется, аванс возьмет. Но приедешь первого июня с хабаром-табаром-детьми-кошкой... Опаньки! А в халабуде уже живут, Ларка руками разведет.

– Вас не помню.

Ты на нее налетишь.

– Я аванс тебе вручила!

Она в ответ:

– Расписку покажите!

И нечем крыть. Вообще не советую с нашими связываться. Зотова, если к себе пустит, до кондратия доведет, на половину, которую жильцам предоставит, ходить будет, замечаниями сыпать: «не наступай на половики, затопчешь», «не лежи на диване, он новый». А если Ларка

не обманет, то ты в ее сарае окочуришься. Там крыша течет, печка дымит, плита-развалина, включить страшно. Сортир впритык к твоей, прости господи, даче стоит. Вонючка! Езжай в Захаровку, но не раньше апреля. К весне все нервные вроде тебя уже договорятся с хозяевами. Наши колхознички-огороднички, те, кто без жильцов остался, задержаются, испугаются, что нет у них дачников. И цены скинут.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Холодно-то как! Прямо мороз.

– Ноль на дворе, – пояснила бабуля, – сыро. А когда сыро, всегда зябко.

– Как к вам обращаться? – спросила я.

– А зачем тебе со мной обращаться? – рассмеялась пенсионерка. – Хочешь спросить, как звать бабу-ягу? Так и скажи. Татьяна Владимировна.

– Вы, наверное, родственница Питиримы? – предположила я.

– Ишь ты! – хмыкнула собеседница. – Откуда знаешь про Питириму?

– Тут недавно проходила женщина, я поинтересовалась у нее, где лучше дачу снять, – соврала я, – она сказала, что в доме, куда вы за калошами ходили...

– Ботиками, – поправила старуха.

– Ну да, простите, ботиками, – исправилась я, – там живет Питирима Владимировна, она одинокая. Я подумала, что спрошу у хозяйки насчет съема дачи. Изба красивая, похоже, ее недавно отремонтировали, значит, владелица аккуратная. А потом вы во двор вышли, ботики вынесли. Но вы не Питирима, имя-то другое.

– А-а-а, – протянула собеседница, – ясно. Тетка, та, что про владелицу дома болтала, толстая, в зеленой куртке? Шапка синяя? Пошла в конец дороги?

– Да, да, да, – закивала я, – она самая.

– Ох, здорова ты врать, – улыбнулась Татьяна, – нет у нас такой, в зеленой куртке. Выдумала я ее, чтобы проверить, солжешь ты или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.